

DOI: [10.14515/monitoring.2026.3.3203](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3203)

Е. В. Родионова

ПРАВОСЛАВНЫЕ НКО КАК МЕДИАТОРЫ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ДИАЛОГА: КЕЙСЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МИРЯН

Правильная ссылка на статью:

Родионова Е. В. Православные НКО как медиаторы постсекулярного диалога: кейсы гражданской активности мирян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 3. С. 22—42. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3203>.

For citation:

Rodionova E. V. (2026) Orthodox NGOs as Mediators of Post-Secular Dialogue: Cases of Lay Civic Engagement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 22–42. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3203>. (In Russ.)

Получено: 30.11.2025. Принято к публикации: 15.05.2026.

ПРАВОСЛАВНЫЕ НКО КАК МЕДИАТОРЫ
ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ДИАЛОГА: КЕЙСЫ
ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МИРЯНORTHODOX NGOS AS MEDIATORS OF
POST-SECULAR DIALOGUE: CASES OF LAY
CIVIC ENGAGEMENT

РОДИОНОВА Елизавета Валерьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: e.v.rodionova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1787-4025>

Elizaveta V. RODIONOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Lecturer, Department of Sociology of Culture and Communication

E-MAIL: e.v.rodionova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1787-4025>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу того, как православные некоммерческие организации (ПНКО), созданные мирянами, выступают медиаторами постсекулярного диалога между религиозной подсистемой и светскими подсистемами (политической, экономической, подсистемой искусства) в современном российском обществе. Основной исследовательский вопрос заключается в том, каким образом ПНКО, опирающиеся на православные ценности, выстраивают диалог с этими подсистемами и как религиозные нормы и представления «переводятся» на язык гражданской активности и публичных практик. Методологическая рамка исследования сочетает постсекулярную эпистемологию Ю. Хабермаса и концепцию «организационного субстрата» Дж. Бергер, ориентированную на анализ ценностных и смыслопорождающих оснований организационного поведения. Эмпирическая база сформирована с использованием кейс-стади четырех ПНКО («Союз православных предпринимателей», «Гильдия русских предпринимателей», движение «Вечно живые», центр «Ленинградский доброволец»), 16 полуструктурированных интервью с основателями и активистами ПНКО, а также качественного контент-анализа доктринальных документов РПЦ и медиаматериалов. Результаты показывают, что ПНКО мирян формируют специфический «организационный

Abstract. The article examines how Orthodox non-governmental organizations (ONGOs) founded by lay believers function as mediators of postsecular dialogue between the religious subsystem and secular subsystems (political, economic, and artistic) in contemporary Russian society. Its central research question is how ONGOs grounded in Orthodox values construct dialogue with these subsystems and how religious norms and representations are translated into the language of civic engagement and public practices. The study's methodological framework combines Jürgen Habermas's postsecular epistemology with J. Berger's concept of the "organizational substratum", which focuses on the value-laden and meaning-generating foundations of organizational behaviour. The empirical base draws on case studies of four ONGOs ("Union of Orthodox Entrepreneurs", "Guild of Russian Entrepreneurs", the movement "Eternally Alive", and the centre "Leningrad Volunteer"), sixteen semi-structured interviews with their founders and activists, and qualitative content analysis of Russian Orthodox Church doctrinal documents and media materials. The findings show that lay-initiated ONGOs generate a specific "organizational substratum" grounded in doctrinal interpretations of labour, property, gift, patriotism, and family, while operationalizing these in the form of entrepreneurship, small-business cooperation, volunteering,

субстрат», основанный на доктринальных трактовках труда, собственности, дара, патриотизма и семьи, но реализуют его в формах предпринимательства, кооперации малого бизнеса, волонтерства, музейно-просветительских и патриотических инициатив. Эти организации «переводят» религиозные ценности на язык светских подсистем: православно фундированное предпринимательство — в экономический дискурс, «православный народ» — в политический код «русский народ», доктринальный патриотизм и семейные ценности — в практики сохранения исторической памяти, гражданского участия и локальной солидарности. Статья обосновывает тезис о том, что ПНКО выступают постсекулярными медиаторами, генерирующими гибридные формы гражданской активности, несводимые к бинарной оппозиции «религиозное — светское» и требующие анализа в едином сравнительном поле с другими акторами гражданского общества.

Ключевые слова: постсекулярность, религиозные некоммерческие организации, организационный субстрат, духовно нравственные ценности, социальное служение, православное предпринимательство, гражданское общество

Благодарность. Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 26-18-00579, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2026.124.main/26661461>.

and museum-based and patriotic initiatives. These organizations translate religious values into the idioms of secular subsystems: Orthodox-inspired entrepreneurship into economic discourse, the religious code “Orthodox people” into the political code “Russian people”, and doctrinal patriotism and family values into practices of preserving historical memory, fostering civic participation, and building local solidarity. The article argues that such ONGOs act as postsecular mediators that generate hybrid forms of civic activity which cannot be reduced to the binary opposition “religious vs. secular” and therefore require analysis within a shared comparative field alongside other actors of civil society.

Keywords: postsecularity, religious non-governmental organizations, organizational substratum, moral and spiritual values, social ministry, Orthodox entrepreneurship, civil society

Acknowledgments. The publication was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 26-18-00579, <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2026.124.main/26661461>.

Введение

Реальность современного российского общества отмечена новыми сочетаниями религиозного и экономического, религиозного и политического, религиозного и правового способов определения социального действия, картины мира и общества. Современная публичная сфера обнаруживает задействованность дискурсивных формаций религий в рефлексиях о национальных, гражданских, профессиональных аспектах идентичности. Сама рефлексия общества выстраивается в формате диалога религиозного и секулярного [Хабермас, 2011]. Религиозность

выступает значимым компонентом публичной сферы — присутствует в новостной повестке, культурном контексте и политическом дискурсе. Современность все более удаляется от утратившей убедительность оппозиции «секулярное — религиозное», актуализируя символические ресурсы религий, религиозное конструирование социальной реальности [Кырлежев, 2024; Beaumont, 2018]. В новых условиях представляется актуальным определение формата взаимоотношений между религиозным и светским, поскольку от него зависит институциональный дизайн современности, гибких интерпретационных моделей и нормативно-правовых отношений [Агапов, 2020].

В 2022 г. политическая подсистема российского общества инициировала в публичной сфере дискурс о современном обществе как обществе, базирующемся на традиционных ценностях. Было артикулировано 17 традиционных ценностей: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопомощие, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹. В 2025 г. политическая подсистема обратилась к традиционным религиям с призывом внести вклад в интерпретацию традиционных ценностей². Тем не менее прямой диалог между религиозной и политической подсистемами затруднен тем, что они подчиняются разной логике, поэтому важную роль играют религиозные некоммерческие организации (РНКО), выступающие как медиаторы и способные наладить постсекулярный диалог.

Во многом благодаря именно РНКО произошло возвращение религии в публичную сферу, о чем часто говорится в связи с осмыслением постсекулярности. Религиозные НКО встраиваются в режим управления: с одной стороны, они впитывают логики государства и рынка (контракты, эффективность), с другой — приносят в общественный дискурс религиозно мотивированное видение социальной справедливости [Beaumont, 2008: 385].

Постсекулярность проявляется в том, что светские и религиозные дискурсы равноправно циркулируют в обществе, задавая конкурирующие, но взаимосвязанные основания для публичных суждений и практик. Дж. Бомонт, К. Эдер и Е. Мендиета отмечают, что «постсекулярное общество — это социальный мир, в котором изобилуют различия и границы между убеждениями и ценностями, но, что принципиально важно, также предпринимаются попытки их примирения» [Beaumont, Eder, Mendieta, 2020: 302]. Это создает как возможности, так и риски. Участники учатся переключаться между разными принципами оценивания, переводить спор из одной нормативной рамки в другую (в том числе в пространствах цифровой коммуникации и социальных сетей). В то же время они вынуждены терпеть

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 05.07.2026).

² Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 05.07.2026).

затяжные конфликты интерпретаций. Посредником в этих диалогах подсистем и регулятором возникающих рисков как раз и выступают РНКО [Haynes, 2009: 60].

Со стороны политической и правовой систем в стратегических документах фиксируется понимание институционального базиса традиционных религий. Например, православие трактуется как субъект духовно-нравственного воспитания и хранитель ценностных оснований национальной идентичности³. В свою очередь, религиозные организации откликаются на актуальные общественные проблемы, создавая волонтерские движения и партнерские проекты с политическими, экономическими, научными и прочими организациями. Таким образом формируется сложный «ландшафт» дискурсов публичной сферы, где пересекаются культовые, образовательные, благотворительные и культурные практики, направленные на воспроизводство и обновление духовно-нравственных ориентиров [Лункин, Красиков, 2016].

Религиозным организациям приходится осваивать инструменты секулярного сектора НКО: проектную логику, грантовые конкурсы, сетевые формы самоорганизации, использование цифровых платформ. Это стимулирует образование модулей включения духовно-нравственной риторики религий в широкий общественный дискурс, в том числе в формате ценностно нагруженных практик взаимопомощи, волонтерства и локальной солидарности [Островская, Бадмацыренов, 2024].

В отечественной и зарубежной социологии религии проблема гражданской включенности традиционных религий — сравнительно новая ниша исследований. Анализ публикаций истекшего десятилетия показывает, что увеличивается интерес социологов к взаимосвязанности религиозного и светского дискурсов в публичных сферах современных обществ, а также к роли РНКО как посредника «переговорных процессов» между политической, экономической, религиозной и другими подсистемами. Проблема гражданской включенности традиционных религий в различные сферы деятельности и дискурсивное поле публичной сферы составляет отдельное направление социологических исследований как в России, так и за рубежом.

В зарубежных публикациях по данной теме обсуждаются методология изучения РНКО и разнообразные попытки проведения прикладных социологических исследований. Наш анализ таких работ показывает, что значимое внимание зарубежных коллег-социологов уделяется тому, как РНКО встраиваются в деятельность и дискурсивную повестку Организации Объединенных Наций. Например, междисциплинарные прикладные исследования в Нью-Йорке и Женеве показывают, что РНКО присутствуют в системе ООН как в формате официально признанных участников, разрабатывающих и проводящих молитвенные и консультативные инициативы, так и в имплицитном формате — включения религиозной риторики, аргументации в сетевые конфигурации взаимодействия [Carrette, Miall, 2017; Baumgart-Ochse, Wolf, 2018]. Так, М. Дж. Петерсен в своих исследованиях выявила феномен «„духовной“ ООН — неформального уровня, на котором религиозные

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 05.07.2026).

ресурсы мобилизуются для поддержания доверия, неформального посредничества и символической легитимации глобальных инициатив. Что особенно интересно, РНКО не образуют монолитного блока: одни стремятся к универсалистскому языку прав человека и устойчивого развития, другие подчеркивают конфессиональную специфику и продвигают более партикуляристские ценностные повестки» [Petersen, 2010: 7].

В поле изучения РНКО образцовыми стали социологические исследования Дж. Кларка и М. Дженнингса. Авторы показали, что права человека начинают осмысляться как продолжение богословских представлений о достоинстве личности и справедливости, и это меняет место религиозных акторов в международных дебатах, делает их не только адресатами, но и соавторами повестки защиты прав человека [Clark, Jennings, 2008: 1].

Подавляющее большинство отечественных социологических исследований РНКО нацелено на изучение социальной миссии Русской православной церкви. Они концентрируются вокруг нескольких устойчивых направлений, которые позволяют типологизировать РНКО по доминирующим полям деятельности и целевым группам. В центре внимания находятся как собственно церковные структуры, так и православно ориентированные НКО, действующие в логике гражданского общества и транслирующие духовно-нравственные ценности в различные социальные среды [Борокова, 2023]. В этих исследованиях сохраняется бинарное разделение на «светское» и «религиозное», тогда как постсекулярность предполагает выстраивание диалога между религиозной подсистемой и другими подсистемами, ключевую посредническую роль в котором играют РНКО.

Первый блок исследований посвящен приходским центрам благотворительности и социального служения, реализующим миссию проповеди христианских добродетелей, моральной поддержки и профилактики девиантного поведения среди взрослых и детей. Работы Е. А. Вороновой, Р. Н. Лункина, А. А. Скомороха, В. А. Самарина показывают, что приходские структуры выступают каналами трансляции православной этики, совмещая адресную помощь с формированием устойчивых поведенческих норм [Воронова, 2019; Лункин, Красиков, 2016; Скоморох, Самарин, 2023]. Е. А. Воронова фокусируется на изучении разных уровней благотворительных практик, выделяет специфику организационно-правовых отношений, возникающих при реализации и координации благотворительных практик. Она рассматривает практики церковной благотворительности как технологии оказания социальной помощи в приходах и монастырях. Таким образом, религиозные организации, действующие как акторы социальной работы, составляют основной объект ее исследований. В рамках дихотомии «религиозное — светское» акцент делается на религиозных организациях как носителях православных ценностей.

В подобном русле рассуждают О. А. Скоморох и В. А. Самарин. Они концентрируются на ресоциализации, социальной адаптации заключенных и рассматривают различные виды помощи и поддержки таким людям через призму концепции «Миссия тюремного служения и пенитенциарные учреждения уголовно-исполнительной системы России» [Скоморох, Самарин, 2023]. Эти исследования сфокусированы на миссии социального служения РПЦ, религиозные организации рассматриваются в них не как акторы гражданского общества, а как исполняющие доктрину

социального служения. Таким образом, в этих работах различные религиозные организации, прежде всего приходы и монастыри, не являются акторами гражданского общества и не вступают с другими его акторами в диалог.

В рамках дихотомии «служение — защита» рассматривается и деятельность церковных и приходских фондов, ориентированных на материальную и духовную поддержку военнослужащих, сотрудников силовых структур и их семей, а также оказание помощи в чрезвычайных и кризисных ситуациях. Работы Р. Н. Лункина, С. Г. Осьмачко, А. А. Артемьева, Ш. Р. Фатыхова показывают, что такие структуры совмещают функции благотворительных фондов, капелланского служения и духовно-нравственного сопровождения, формируя специфическую зону взаимодействия церкви, армии и государства [Лункин, 2016; Осьмачко, 2013; Артемьев, Фатыхов, 2019]. В соответствии с «Основами социальной концепции РПЦ» эта деятельность укладывается в рамки категории соработничества церкви и государства, где одним из таких направлений является «попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание»⁴.

В течение нескольких последних лет появились исследования деятельности приходских РНКО, в которых их работа не сводится к дихотомии «служение — защита». Например, А. Митрофанова провела серию интервью с волонтерами благотворительных православных проектов и пришла к выводу, что такого рода проекты, основанные на православной трактовке солидарности, демонстрируют модель гражданской включенности, по которой осуществляется сборка «других подобных сообществ (возможно, даже не православных)» [Митрофанова, 2019: 111]. В работе признается значимый потенциал религиозных НКО для развития и укрепления гражданской вовлеченности православных приходов, прежде всего через различные общественные инициативы. Однако в своем исследовании А. Митрофанова не делает различия между теми проектами, которые административно подчиняются Русской православной церкви, и автономными (мирянскими) проектами [там же: 119]: приходские православные НКО рассматриваются в рамках дихотомии «светское — религиозное» и не различаются административно подчиненные РПЦ проекты и альтернативные им внецерковные проекты общественной вовлеченности мирян, что, в свою очередь, не позволяет увидеть различия в формах работы и способах выстраивания диалога религиозной и политической систем.

Как мы показали выше, в отечественных исследованиях не выделяется отдельный вклад РНКО как посредников для ведения диалога религиозной и других подсистем, в чем нам видятся теоретические и методологические противоречия трактовок и определений феномена РНКО. Во многих случаях не проводится различие между РНКО на приходах и РНКО, имеющими светские корни. Бинарный подход «секулярное — религиозное», лежащий в основе многих западных исследований РНКО, задает ограничительный ракурс, в котором религиозные организации оказываются на противоположном полюсе по отношению к «современным» и «прогрессивным» светским акторам [Berger, 2018]. В результате типология НКО строится вокруг принадлежности либо к религиозному, либо к светскому секто-

⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.05.2026).

ру, а не вокруг внутренних рациональностей, целей и способов участия в общественной сфере, что сужает спектр исследовательских вопросов и аналитических инструментов. Во многих случаях ученые фокусируются на доктрине социального служения РПЦ, тогда деятельность РНКО не выходит на уровень гражданского общества. Эти методологические противоречия сформировали специфику нашего подхода к анализу деятельности РНКО. Мы предлагаем проводить различие между православными НКО, существующими при приходах и действующими в рамках миссии церкви, и теми, которые созданы мирянами-православными, профессионально занятыми во внецерковных сферах, но руководствующимися в своей деятельности православным идеациональным мировосприятием.

В настоящем исследовании мы руководствовались тезисом о том, что для социологического исследования РНКО необходимо использовать постсекулярную эпистемологию. В координатах постсекулярности возможно сформулировать обновленные и непротиворечивые трактовки РНКО, а также выявить, каким образом РНКО опосредуют взаимные обучающие процессы религиозных и светских акторов. В этой перспективе мы поставили в центр анализа результаты нашего эмпирического исследования репрезентативных кейсов православных НКО (ПНКО). Мы сфокусировались на тех гражданских инициативах, которые сформировались в среде православных мирян и позже получили организационное и институциональное оформление в качестве медиаторов переговорных процессов между православной и политико-правовой системами. Основной исследовательский вопрос заключался в том, каким образом ПНКО как посредники выстраивают диалог между этими подсистемами общества.

Методология и методы исследования

Методологической системой координат нашего исследования стала комбинация тезиса о взаимных обучающих процессах как формате коммуникаций подсистем постсекулярного общества Ю. Хабермаса и ключевых тезисов концепции «организационного субстрата» Дж. Бергер. Эта методологическая конвергенция была предложена Е. А. Островской и апробирована ею применительно к буддийским НКО. Данная методологическая разработка позволяет выявить особый тип религиозно фундированных гражданских организаций, выступающих медиаторами между религиозной и другими подсистемами современных обществ. Такой тип организаций возникает как общественная инициатива мирян «снизу» со своей эпистемической доминантой, базирующейся на религиозной регламентации социальной деятельности [Островская, Бадмацыренов, 2024: 223].

Мы опирались на предложенное Ю. Хабермасом определение постсекулярного общества как общества, рефлексия которого о самом себе изменяет как религиозные, так и светские менталитеты. Секулярное и религиозное предстают в этой рефлексии «как взаимодополняемый учебный процесс, участники которого могут уже и по позитивным причинам всерьез воспринимать свой вклад в спорные публично обсуждаемые темы» [Хабермас, 2011: 107]. Ключевым становится стремление к взаимному обучению участников постсекулярного диалога.

Эвристический потенциал концепции «организационного субстрата» Дж. Бергер для прикладных исследований взаимодополняющих обучающих процессов ре-

лигиозной и других подсистем общества заключается в фокусировке внимания на внутренних ценностных и структурных детерминантах деятельности организаций [Berger, 2018]. В данном контексте представляется важным дать определение понятию «субстрат», заимствованному Дж. Бергер из биологии и нейрофизиологии. Переноса эту метафору на социальную ткань, Дж. Бергер интерпретирует «организационный субстрат» не как жесткую формулу определенного набора моделей поведения, а в качестве генеративной основы для множества организационных форм, подобно тому, как почвенный субстрат задает условия роста различным видам растений или нейронный субстрат лежит в основе определенных типов поведения [ibid.: 55]. Такой субстрат дополняет имеющиеся аналитические инструменты изучения религиозных и идеологических детерминант организационного взаимодействия. Концепт «субстрата» вводит в рассмотрение прежде всего смыслы и интенции, формирующие организационное поведение. Таким образом, концепция «организационного субстрата» позволяет сместить фокус с дихотомии «религиозное — светское» на внутреннюю логику организации — совокупность представлений об обществе и тех коммуникативных практик, через которые религиозная организация оказывается вовлеченной в гражданский дискурс. «Организационный субстрат» дополняет существующие аналитические модели НКО, позволяя рассматривать религиозные и светские организации в едином сравнительном поле и анализировать не только их действия («что делают»), но и мотивационную и идейную подоснову этих действий («почему действуют именно так») [ibid.: 56].

Подход Дж. Бергер помогает прояснить идеациональные, смыслопорождающие и мотивационные измерения религиозной активности в публичной сфере [ibid.: 73]. Применительно к православным НКО он позволяет, во-первых, отойти от европоцентристского дискурса о религии как подсистеме, противопоставленной «светским» подсистемам. А во-вторых — выявить, в какой мере православные НКО выходят за рамки предписываемого церковной доктриной социального служения и участвуют в формулировании смыслов, актуальных для дискурсов доминирующих светских рациональностей.

Уточним понятие «религиозная негосударственная организация», которое станет основным методологическим инструментом для выделения этих организаций и выстраивания границ исследования. Дж. Бергер определяет РНКО как «организации, идентичность и миссия которых выводятся из религиозной или духовной традиции и которые действуют как зарегистрированные некоммерческие, добровольные организации» [ibid.: 2]. На основании тезисов Ю. Хабермаса и концепции Дж. Бергер были сформулированы предварительные критерии отбора РНКО для исследования. Критерии включения в выборку были следующими: формализованный статус НКО — наличие юридической регистрации, уставных документов; НКО создано мирянами (а не священнослужителями), профессионально вовлеченными в какую-либо из сфер социальных доменов (экономическую, политическую, искусство, образование); включенность православного НКО в диалоговые процессы об остроактуальных тематиках современного российского общества; вектор гражданской активности на диалог с другими подсистемами; результатом их частной гражданской активности становятся формы, сочетающие разные начала (например, онлайн- и офлайн-действия).

Прикладная часть нашего исследования была реализована в два этапа, осуществленных в период с марта 2025 г. по октябрь 2025 г. Главной стратегией исследования выступил кейс-стади, мы также использовали экспертные интервью, качественный контент-анализ, полуструктурированные интервью.

На первом этапе мы были сконцентрированы на уточнении выборки и ее наполнении репрезентативными кейсами. В этих целях было проведено 15 экспертных интервью. В качестве экспертов выступили представители департамента по межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, советник губернатора ЛО и председатель отдела по взаимоотношениям церкви и общества Санкт-Петербургской епархии, настоятели крупных приходов РПЦ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, руководители НКО «Святоград» и «Нестор». Экспертам были предложены вопросы о трактовке форматов и содержания православных гражданских инициатив; общественном участии православных мирян, выразившемся в образовании тематизированных организационных инициатив; примерах ПНКО, активность которых имеет репрезентативные результаты. По итогам экспертных интервью были выделены четыре ПНКО, зарегистрированные в Санкт-Петербурге или Ленинградской области, названия которых звучали в экспертных интервью чаще всего и о которых было обнаружено больше всего упоминаний в медиа («Союз православных предпринимателей», «Вечно живые», «Ленинградский доброволец», «Гильдия русских предпринимателей»). Частота упоминаний в медиа фиксировалась через поисковый запрос на медиапорталах федеральных и региональных СМИ, таких как «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Лен-ТВ», «Фонтанка» и другие. Предварительное изучение этих четырех кейсов показало, что каждая из организаций осуществляет деятельность по всей России и имеет филиалы в разных регионах.

На втором этапе нашего исследования мы провели 16 полуструктурированных интервью с основателями, руководителями и активистами отобранных ПНКО. В гайд интервью вошли вопросы по следующим тематическим блокам: мотивация создания организации и ее ключевые цели; идеациональные и эпистемические основания гражданской вовлеченности; ключевые направления работы; практики взаимодействия с политическим, экономическим, образовательным и др. секторами. Все респонденты были предварительно уведомлены о записи интервью и дали согласие на использование материалов в научных целях; после расшифровки они получили возможность ознакомиться с фрагментами текстов, содержащими ссылки на них и их высказывания, и подтвердили согласие на цитирование.

Исследуемые кейсы православных НКО

Союз православных предпринимателей (далее — Союз) был основан в 2012 г. директором компании «Цифрал-сервис» из Санкт-Петербурга. В своих уставных документах эта ПНКО идентифицирует себя как всероссийское «деловое сообщество, объединяющее предпринимателей для духовно-нравственного, личностного, профессионального и делового развития, организованного ведения благотворительной деятельности и формирования культуры предпринимательства, основанной

на православных ценностях»⁵. Эта организация чаще всего из четырех отобранных упоминается в федеральных медиа (АиФ, КП). Ее основатель и бессменный руководитель неизменно привлекает внимание журналистов, в интервью которым он неоднократно освещал мотивацию создания Союза, а также ключевые направления его деятельности и актуальные проекты⁶. Союз имеет страницы в социальной сети «ВКонтакте» и собственный сайт.

Гильдия русских предпринимателей (далее — Гильдия) сформировалась как инициатива снизу, то есть сообщество взаимной поддержки малых предпринимателей, в 2020 г. Она была создана группой представителей малого бизнеса и работает на кооперативных началах. Десять единомышленников вначале занимались сбором гуманитарной помощи для жителей Донецка и Луганска, в 2024 г. было принято решение о регистрации со следующими целями: «общественное участие и гражданская инициатива, взаимопомощь, укрепление солидарности и налаживание социальных связей, просветительскую работу»⁷. Гильдия имеет свой сайт и Telegram-канал, в региональных СМИ есть публикации о ее проектах и планах работы⁸.

Региональное общественно-патриотическое движение «Вечно живые» зарегистрировано в 2019 г., имеет шесть филиалов по всей стране и объединяет более 15 000 участников. Оно было основано строительной компанией «Росстройинвест», директор которой выступил инициатором юридической регистрации НКО в форме общественного движения. Реализует разные проекты, в том числе совместно с РПЦ, по сохранению исторической памяти (создание музеев и памятников)⁹. Информация о проектах движения «Вечно живые» публикуется в федеральных СМИ¹⁰. Это общественное движение имеет свой сайт и активно ведет страницы в социальных сетях¹¹.

Просветительский центр патриотического воспитания «Ленинградский доброволец» действует с 2014 г. как общественная инициатива, а с 2018 г. — как официально зарегистрированная организация. Эта ПНКО была основана руководителем компании «Дистрибьютер холдинг альфа СПб» и проводит масштабные сборы гуманитарной помощи для беженцев и сограждан, оказавшихся в зоне боевых действий, помогает Армии России, реализует патриотические проекты¹². Представители центра активно ведут социальные сети, его деятельность представлена в региональных медиа¹³.

⁵ Подробнее см. Союз православных предпринимателей. URL: <https://cnn.pyc/> (дата обращения: 05.05.2026).

⁶ См., например, Вера и дело: этика православного предпринимателя // Социодиггер. 2021. Сентябрь. Т. 2. Вып. 8. URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2021_08_religioznyj_aktivizm/SD-2021-08_Zhukovich.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

⁷ Подробнее см.: Гильдия русских предпринимателей. URL: <https://guildrp.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).

⁸ См., например: Кашин М. Когда ты один — ты проситель // Коммерсантъ. 2019. 31 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4047418?ysclid=mp40ripvqm232915957> (дата обращения: 05.05.2026).

⁹ Подробнее см.: Вечно живые. URL: <https://вечноживые.рф/> (дата обращения: 05.05.2026).

¹⁰ См., например, Цыганкова С. В Московском доме национальностей обсудили многонациональное единство России // Регнум. 2024. 29 февраля. URL: <https://rg.ru/2024/02/29/v-moskovskom-dome-nacionalnostej-obsudili-mnogonacionalnoe-edinstvo-rossii.html?utm> (дата обращения: 05.05.2026).

¹¹ См., например: Вечно живые. URL: <https://vk.com/vechnozhivie> (дата обращения: 05.05.2026).

¹² Подробнее см.: Ленинградский доброволец. URL: <https://lendobr.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).

¹³ См., например, Фенёв В. Ленинградские добровольцы открыли новый сезон в зоне СВО // Лен-ТВ. 2025. 18 февраля. URL: <https://lentv24.ru/leningradskie-dobrovolcy-otkryli-novyi-sezon-v-zone-svo.htm> (дата обращения: 05.05.2026).

Идеациональные основания гражданского участия

Как показали результаты интервью, идеациональные основания гражданского участия анализируемых ПНКО были сформированы посредством коллективной рефлексии по поводу основных доктринальных документов РПЦ, где изложены ключевые направления и принципы православного социального служения. В числе таких документов респонденты упоминали «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»¹⁴ и «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви»¹⁵. Подчеркнем, что свою рефлекссию о ценностях они увязывали с текстом документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (далее — «Основы...»). Второй документ они отметили в связи с упоминанием приходских ПНКО, то есть при обсуждении проектов приходов и монастырей. В силу этого мы сочли необходимым провести контент-анализ документа «Основы...», поскольку от его положений отталкивались респонденты, рассуждая об идеациональных основаниях созданных ими ПНКО. В качестве кодов были отобраны ключевые ценности, названные респондентами в интервью: труд, собственность, дар, совместное служение, православный народ, патриотизм, семья.

Итак, в «Основах...» труд определяется следующим образом: «Он <...> становится благословенным, когда являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. <...>. Священное Писание свидетельствует о двух нравственных побуждениях к труду: трудиться, чтобы питаться самому, никого не отягощая, и трудиться, чтобы подавать нуждающемуся»¹⁶. Таким образом, с доктринальной точки зрения трудом признается деятельность, нацеленная, во-первых, на обеспечение собственной самостоятельности и независимости, удовлетворение своих потребностей, а во-вторых — на помощь другому, нуждающемуся. Важно отметить, что плоды труда — это собственность¹⁷. Собственность становится «даром» и ресурсом для реализации благих дел. «<...> владея значительным имуществом, не согрешает тот, кто использует его согласно с волей Бога, Которому принадлежит все сущее, и с законом любви, ибо радость и полнота жизни — не в приобретении и обладании, но в дарении и жертве»¹⁸. Богатство — дар Божий, в случае если человек приносит его как дар в совместной деятельности.

Согласно доктринальной трактовке, собственность как плод труда может выражаться в богатстве, которое само по себе есть дар Божий. И этот дар богатства раскрывается в совместной деятельности¹⁹. В «Основах...» также подчеркивается значение общего служения Церкви на основании разных даров: «Каждому дается особый дар для служения всем. <...> дары многообразной благодати Божией даются каждому отдельно, но для совместного служения народа Божия (в том

¹⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.05.2026).

¹⁵ О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви. Документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2011 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/88630> (дата обращения: 12.05.2026).

¹⁶ Там же. VI.4.

¹⁷ Там же. VII.1.

¹⁸ Там же. VII.1.

¹⁹ Там же. VII.2.

числе и для служения миру)»²⁰. Дар здесь понимается как ресурс (материальный, духовный), данный человеку для того, чтобы объединиться в служении с другими. Таким образом, сообщество соработников формируется через обмен дарами, чтобы в совместной деятельности служить Церкви.

Согласно «Основам...», совместная деятельность делает людей соработниками Господу, и они становятся православным народом. В этом контексте постулируется, что «патриотизм <...> проявляется в защите Отчизны, труде на благо отчизны, заботе об устройении народной жизни, сохранении и развитии национальной культуры, народного самосознания»²¹. Патриотический труд имеет доктринально регламентированные профессиональные векторы — военнослужащие («защита отечества от неприятеля»), госслужащие («труд на благо отчизны»), предприниматель, строитель, социальный работник, музейный работник, художник («забота об устройении народной жизни»), юрист, адвокат («участие в делах государственного управления»), учителя, политики, ученые, преподаватели («сохранение и развитие национальной культуры, народного самосознания»)²². В соответствии с «Основами...» патриотизм связан не только с любовью к Отечеству, но «<...> включает любовь к своей семье, соплеменникам и согражданам»²³. Патриотизм, таким образом, находит свое выражение и в сфере семейных отношений.

Семья — это начало «живой преемственности поколений, которое обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории»²⁴. Исходя из этого, семья трактуется как объединение разных поколений на основе православных ценностей.

Обратимся теперь к анализу идеациональных оснований «организационного субстрата» четырех отобранных ПНКО, как они были представлены в интервью.

Руководитель Союза следующим образом описал мотив создания НКО:

2005 год, я получил огнестрельное ранение в шею, был на грани жизни и смерти. Когда я очнулся там в больнице, уже после наркоза, у меня не было никаких сомнений, что чтобы я остался жив, просто прямое Божественное вмешательство <...>. И после больницы я сразу пошел в храм... То есть я понял, что раз есть Бог, значит, мое предпринимательство, то, что вообще Господь мне дал, это тоже не просто так. Значит, на мне есть определенная ответственность заниматься богоугодными делами. <...>. Это формирование новой культуры предпринимательства, основанной на традиционных российских ценностях. Конечно, на православных ценностях. Поэтому мы вот стараемся создать именно культуру созидательного предпринимательства. (Основатель Союза, ноябрь 2025 г.)

Как следует из цитаты, приход к вере стимулировал пересмотр всего полотна жизнедеятельности, включая предпринимательскую профессиональную заня-

²⁰ О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви. Документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2011 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/88630> (дата обращения: 12.05.2026). I.3.

²¹ Там же. II.3.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. X.4.

тость. В новом мировоззренческом формате экономическая деятельность должна быть пересобрана в пользу труда как Божиего дара и совместного служения на основании разных даров.

Организатор проектов Союза таким образом формулирует свою мотивацию:

Я пришла в Союз, так как хотела найти близких мне по духу людей. Я человек православный, верующий, и для меня было важно найти единомышленников. (Организатор проектов Союза, октябрь 2025 г.)

Как следует из цитаты, главной ценностью для присоединения к Союзу стало общее служение на основании разных даров и объединение в «православный народ».

В интервью с одним из руководителей Союза в качестве мотива присоединения было противопоставление религиозно фундированных и светских принципов ведения бизнеса:

...Во многих светских сообществах напрямую запрещается говорить о религии, о политике как о темах, которые могут вызывать какие-то конфликты. И тоже получается, или он там про этику заговорит — там скажут: «Слушай, давай это конкретно». «Давай вера отдельно, бизнес отдельно». И ему кажется, что он вообще белая ворона. Многие вообще заканчивают свой путь предпринимательства, потому что понимают, что он несовместим. (Руководитель Союза, ноябрь 2025 г.)

Это высказывание иллюстрирует секулярный нарратив, трактующий бизнес в бинарной рамке «светское — религиозное», то есть как деятельность, не связанную с духовно-нравственной проблематикой, а опирающуюся сугубо на экономическую рациональность. Это оказалось неприемлемым для нашего респондента. Нерелигиозные бизнесмены остаются в рамках секулярной экономической деятельности. В результате религиозно мотивированные предприниматели чувствуют себя «белыми воронами», вытесненными из поля экономического взаимодействия.

В приведенных цитатах четко виден идеациональный компонент «организационного субстрата» Союза — это предпринимательство как богоугодный труд, идея формирования новой предпринимательской культуры, основанной на православных ценностях, идеях единомышленников, объединенных одним делом.

Несколько иначе формулирует свои мотивы развития предпринимательства на основании православной этики руководитель Гильдии:

Я видел вокруг разобщенность людей, которая, к сожалению, у нас безумная. На Руси так никогда не было, все-таки мы жили по другим устоям, традициям, планам. И, наверное, я нашел решение своих внутренних запросов в Гильдии. <...> Я не хочу строить какие-то национальные схемы бизнеса по типу диаспор, но у них хороший пример: они объединяются и помогают друг другу. Тут во главу угла встает вопрос моральной составляющей и ценностей, в том числе христианских, в бизнесе, которые мы пытаемся у себя культивировать и прописывать. Основная задача — не встать против кого-то, а, наоборот, объединиться между собой и помогать друг другу. И помочь внутри себя предпринимателям занять свою нишу, крепко встать на ноги, совместно делать биз-

нес-дела. У нас две задачи: первая — объединиться, вторая — действовать в рамках православного предпринимательства. Это в том числе помогать церкви, благотворительным делам, русской общине, с которой мы стартуем, участвовать в ее благотворительных, социальных, гуманитарных проектах. Все это можно сделать только объединившись, запустив наш проект. (Руководитель Гильдии, октябрь 2025 г.)

Таким образом православная дискурсивная формация «обмен дарами» переводится на язык экономической подсистемы как «православный бизнес». Возникает гибрид политического и экономического дискурсов — идея православного труда как благотворительного бизнеса, а обмена дарами — как совместной деятельности русского народа. В данном контексте важно учитывать, что деятельность Гильдии изначально возникла как общественная инициатива в лоне «Русской общины» — объединение предпринимателей внутри этой общественной организации. Далее они обособились от нее на основании ценностных православных убеждений²⁵.

Как следует из нашего анализа интервью, ключевым идеациональным компонентом «организационного субстрата» еще двух ПНКО — «Вечно живые» и «Ленинградский доброволец» — стало гражданское и патриотическое служение, фундированное православной трактовкой традиционных ценностей «патриотизм» и «любовь к Отечеству». Религиозная мотивация гражданской активности ПНКО «Ленинградского добровольца» формулируется следующим образом:

Я занимался крупным бизнесом. Я увидел ситуацию, и я увидел в голове, просчитал последствия. И пройти мимо таких исторических событий, для меня это было действительно преступлением по отношению к самому себе в первую очередь. <...> Для меня общественная работа, музейная деятельность стала возможностью сохранить историческую память об этих событиях, донести до молодежи ценности патриотизма в действии. У нас есть духовный отец у нашей организации, отец Алексей. Да, наш батюшка, отец Алексей, он взял на себя такую тяжелую миссию быть духовным отцом «Ленинградского добровольца». «Ленинградский доброволец» — это привязка именно к нашему городу. И я точно так же видел, что происходит несправедливость, эту историю надо документировать, помогать тем людям, которые оказались в зоне риска, которые оказались в очень трудном жизненном положении. (Руководитель «Ленинградского добровольца», октябрь 2025 г.)

Из цитаты следует, что религиозная ценность труда как способности трудиться, чтобы питаться самому и помогать нуждающимся, переводится с языка религиозной подсистемы в дискурс подсистемы искусства, которая занимается сохранением исторической памяти. Патриотизм, понимаемый в «Основах...» как защита Отчизны, труд на благо Отчизны, забота об устройении народной жизни, сохранение и развитие национальной культуры, народное самосознание, превращается здесь в историческую память и необходимость ее документировать.

Религиозная мотивация гражданской активности ПНКО «Вечно живые» формулируется ее основателем следующим образом:

²⁵ Подробнее см.: Русская община. URL: <https://russkaya-obschina.ru/osnovnye-polozeniya-russkoy-obschiny/> (дата обращения: 05.05.2026).

Здесь нужны совершенно разные люди разных профессий, но желательно, чтобы мы были все в одном каком-то пространстве ценностей. Это важно нам же. Мы все пертербуржцы, вот ценности вечно живые. Православие здесь, конечно, играет большую роль. Не было бы православия и не было бы русского народа. Суть православия — это милосердие, это справедливость, это сила, все вместе взятое. Если не будет какого-то компонента, тогда не будет русского народа. И потом это становится базой для совместного движения. Возникло движение «Бессмертный Ленинград», а до «Бессмертного Ленинграда» мы культурный центр сделали, где там порядка ста ребяташек очень интересными, важными делами занимались. И не только ребяташки, их родители. И это же стало базой для основания «Бессмертного Ленинграда», а потом — «Вечно живых». Когда возник «Бессмертный Ленинград», ну, мы собрали неплохую команду: и ветераны, и молодежь, и средний возраст ребята. И эта тема, она глобальная, на все времена, от, ну, грубо говоря, от истоков возникновения Руси и до сегодняшнего дня. И герои, они всеобщие, они всеобщие, эти герои. И герои они не только военные, но герои и ратного подвига, и трудового подвига, и духовного, и культура, и наука. (Руководитель движения «Вечно живые», ноябрь 2025 г.)

Эта цитата ярко иллюстрирует, как происходит переключение дискурса религиозной подсистемы на язык политической подсистемы: религиозный код «православный народ» переводится в политический код как «русский народ». И вводится в политический дискурс православная трактовка ценности патриотизма как труда представителей различных профессий на благо Отчизны.

Далее рассмотрим, как выявленные идеациональные основания генерируют «организационный субстрат» отдельных видов гражданской активности. Перечисленные выше ценности и идеи выступают религиозными и идеологическими детерминантами организационной деятельности анализируемых ПНКО.

Направления гражданской активности православных некоммерческих организаций

Проведенный анализ показал, что идеациональными компонентами «организационного субстрата» четырех анализируемых кейсов выступили следующие трактовки православных ценностей, закреплённые в «Основах...», которые на языке ПНКО обозначены как «православно фундированное предпринимательство», «профессиональная деятельность как божий дар», «идея единомышленников, объединённых одним делом», «русский народ», «патриотизм как историческая память», «помощь нуждающимся», «труд различных профессий на благо Отчизны», «ценность семьи». Следующий блок вопросов в гайде интервью был нацелен на установление связи между ними и векторами гражданской активности исследуемых ПНКО.

Основные векторы гражданской активности Союза обусловлены ценностями предпринимательства как богоугодного труда и идеей формирования новой культуры предпринимательства, основанной на православных ценностях, идее единомышленников, объединённых одним делом:

И поэтому мы создали концепцию. А сейчас вот думаем об объединении там других вот экспертных групп, которые тоже работали над этой задачей, чтобы появились ма-

териалы для школы русского предпринимательства, которую мы тоже хотим создать. <...>. Это открытие именно под нашу концепцию магистерской программы и доп. программы при РХГА имени Достоевского, разработка концепции магистерской программы «Созидательное предпринимательство» на базе экономического факультета СПбГУ. <...>. Мы реализуем мероприятия для школьников. Члены Союза проводят мастер-классы для ребят, рассказывают про бизнес-проекты. Мы это делаем с точки зрения именно концепции созидательного предпринимательства. (Руководитель Союза, ноябрь 2025 г.)

Из приведенной цитаты видно, что ключевым адресатом гражданской активности Союза выступают школьники, вузовская молодежь, обучающаяся ведению бизнеса и реализации бизнес-проектов на основании концепции созидательного предпринимательства. Ярким примером проектов Союза, посвященных созидательному предпринимательству, стали лекции, для школьников, рассказывающие о русских православных предпринимателях.

Несколько иначе сформирован идеациональный компонент «организационного субстрата» у Гильдии. Ключевой православной ценностью здесь считается ценность совместного служения, где у каждого свой дар, который он может привнести для благого служения. Руководитель Гильдии обозначил следующие направления:

Задача — чтобы мы получили не то что преимущества, а конкурентный паритет за счет объединения. Придя в Гильдию, предприниматель может получить это в рамках Гильдии — услуги бухгалтера, юриста кадровика и прочих специалистов. Не бесплатно, потому что любой труд должен быть оплачен, иначе это не труд, а неуважение к труду. То же самое касается рекламы. <...>. Объединившись, мы эту стоимость снижаем. Задача — сделать Гильдию <...> узнаваемой структурой, имеющей доверие и репутацию. Чтобы знак Гильдии был подтверждением качества услуг, репутации предпринимателя и того, что он придерживается ценностей, которые мы культивируем и поддерживаем. (Руководитель Гильдии, октябрь 2025 г.)

Как следует из цитаты, адресатами деятельности Гильдии являются предприниматели, представители малого бизнеса, разделяющие ценности труда и обмена дарами.

Ключевой вектор гражданской активности ПНКО «Вечно живые» обусловлен ценностью исторической памяти, воспроизводимой в поколениях:

Наша деятельность просветительская, научная и в массы. Мы провели конкурсы среди ребят, которые на архитектурных отделениях учатся. Первое — это создание концепции памятника детям блокадного Ленинграда. Погибло 140 тысяч детишек. В МГСУ что ценно — то, что эта тема вышла, она туда подальше пошла, повыше пошла. И следующий момент — это на тему создания памятника в Москве Александру Невскому. В Москве нет памятника Александру Невскому. (Руководитель движения «Вечно живые», ноябрь 2025 г.)

Адресаты гражданской деятельности «Вечно живых» — школьники, студенты архитектурных и педагогических вузов. Гражданская активность направлена на бу-

дущих педагогов, музейных работников, архитекторов. Религиозные ценности патриотизма и семьи переводятся на язык подсистемы семьи и подсистемы искусства.

Магистральное направление гражданской активности «Ленинградского добровольца» выстраивается в соответствии с ценностями патриотизма и сохранения исторической памяти, необходимости ее документировать, православного народа и труда:

История Музея боевого братства тесно сопряжена с историей народа Донбасса и России. Площадка, посвященная боевой славе русского воина-освободителя, славе современного русского оружия в конфликтах, где затронуты интересы России. Пропаганда истинно патриотических ценностей «русского мира». Донесение до широких масс визуального образа, отображающего современную картину происходящих событий. Все наши проекты мы осуществляем на свои деньги, у меня есть бизнес, плюс есть несколько крупных жертвователей. Эти средства помогают существовать и Музею боевого братства. (Руководитель «Ленинградского добровольца», октябрь 2025 г.)

Основная аудитория гражданской активности «Ленинградского добровольца» — молодежь. Самый яркий пример — Музей боевого братства, транслирующий ценности «русского мира». Музей функционирует как площадка взаимных обучающих процессов между религиозной и политической подсистемами и религиозной подсистемой и подсистемой искусства.

Заключение

Как показало наше исследование, в рамках отечественных общественных наук активно развивается ниша исследований, посвященных теме гражданской активности и общественной вовлеченности православных НКО. При этом большинство работ сфокусировано на осмыслении деятельности приходских НКО и их «вкладе в строительство» некоего гражданского общества модернистского нарратива. Иными словами, эти исследования проведены в эпистемологических координатах «секулярное — религиозное», сужающих спектр существующих православных НКО до приходских. Это сужение обусловлено противопоставлением светского религиозному, то есть исследовательский фокус направлен только на НКО, возникающие внутри Церкви. На обочине внимания остаются НКО, сформировавшиеся в других, «светских» подсистемах.

Эпистемологическая оптика постсекулярности, конкретизированная методологически через комбинацию концепций постсекулярности Ю. Хабермаса и «организационного субстрата» Дж. Бергер, позволила выявить особый тип религиозно фундированных гражданских организаций — православных некоммерческих организаций.

Православные НКО выступают медиаторами между религиозной подсистемой, с одной стороны, и политической, экономической подсистемами и подсистемой искусства — с другой. Они транслируют ценности религиозной традиции на языке этих светских подсистем.

Обращение к концепции «организационного субстрата» Дж. Бергер позволило уйти от редукции религиозных НКО к их формальной принадлежности к «рели-

гиозному» или «светскому» сектору и сфокусироваться на смыслопорождающих основаниях их деятельности. Анализ четырех кейсов показывает, что православные НКО современных российских мирян опираются на специфический «субстрат», складывающийся из доктринальных представлений о труде, собственности, даре, патриотизме и семье, но реализуемый в логике предпринимательства, кооперации малого бизнеса, волонтерства, музейных и просветительских практик. «Организационный субстрат» религиозно фундированных гражданских инициатив оказывается способным генерировать гибридные формы участия, которые не укладываются в бинарную оппозицию «религиозное — светское» и требуют анализа в едином сравнительном поле с нерелигиозными акторами гражданского общества.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставление православных НКО, созданных мирянами в «светских» подсистемах, с приходскими НКО, а также межконфессиональный анализ религиозно фундированных НКО в православной, буддийской и мусульманской традициях. Это позволит уточнить типологию постсекулярных медиаторов и оценить масштаб их вклада в трансформацию публичной сферы.

Список литературы (References)

1. Агапов О. Д. Постсекулярная парадигма как теоретико-методологическое основание взаимодействия религиозных и светских общественных организаций // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 115—121. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.115>.
Agapov O. D. (2020) The Postsecular Paradigm as a Theoretical and Methodological Basis for the Interaction between Religious and Secular Public Organizations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. Vol. 33. P. 115—121. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.33.115>. (In Russ.)
2. Артемьев А. А., Фатыхов Ш. Р. Взаимодействие вооруженных сил РФ и религиозных объединений как фактор политической стабильности современного российского общества // Власть. 2019. № 3. С. 129—134. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6425>.
Artemyev A. A., Fatykhov Sh. R. (2019) Interaction between the Armed Forces of the Russian Federation and Religious Associations as a Factor of Political Stability in Contemporary Russian Society. *Vlast*. No. 3. P. 129—134. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6425>. (In Russ.)
3. Борокова И. Д. К вопросу о влиянии религиозных организаций на формирование гражданского общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 3. С. 140—148. <https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.23>.
Borokova I. D. (2023) On the Influence of Religious Organizations on the Formation of Civil Society. *Economics and Management: Research and Practice Journal*. No. 3. P. 140—148. <https://doi.org/10.34773/EU.2023.3.23>. (In Russ.)

4. Воронова Е. А. Социологические методы исследования практик церковной благотворительности в современной России // Вестник СПбГУ. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2013. Вып. 4. С. 145—153.
Voronova E. A. (2013) Sociological Methods for Studying Practices of Church Charity in Modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy*. No. 4. P. 145—153. (In Russ.)
5. Кырлежев А. И. «Постсекулярное»: возобновление дискуссии // Философия религии: аналитические исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 20—36. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2024-8-1-20-36>.
Kyrlezhev A. I. (2024) “The Postsecular”: Resuming the Discussion. *Philosophy of Religion: An Analytical Journal*. Vol. 8. No. 1. P. 20—36. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2024-8-1-20-36>. (In Russ.)
6. Лункин Р. Н., Красиков А. А. (ред.). Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. М.: Институт Европы РАН, 2016.
Lunkin R. N., Krasikov A. A. (eds.) (2016) Religious Missions in the Public Sphere: Russian and International Experience. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
7. Митрофанова А. В. Православные инициативы как пункты социальной сборки: преодоление исторического разлома // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2019. № 1. С. 110—121. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.09>.
Mitrofanova A. V. (2019) Orthodox Initiatives as Points of Social Assemblage: Overcoming the Historical Rupture. *Vestnik PNIPU. Culture. History. Philosophy. Law*. No. 1. P. 110—121. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.09>. (In Russ.)
8. Осьмачко С. Г. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы РФ // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1. С. 42—52.
Osmachko S. G. (2013) The Russian Orthodox Church and the Armed Forces of the Russian Federation. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 1. P. 42—52. (In Russ.)
9. Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Российский традиционный буддизм в публичных медиасферах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 204—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2680>.
Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. (2024) Russian Traditional Buddhism in Public Mediaspheres. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 204—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2680>. (In Russ.)
10. Скоморох О. А., Самарин В. А. Роль религиозных организаций в системе probation осужденных в Федеральном законе «О probation в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 1. С. 52—59.
Skomorokh O. A., Samarin V. A. (2023) The Role of Religious Organizations in the Probation System for Convicted Persons in the Federal Law “On Probation in the Russian Federation”. *Criminal-Executive Law*. Vol. 18. No. 1. P. 52—59. (In Russ.)

11. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией: философские статьи. М.: Весь Мир, 2011.
Habermas J. (2011) *Between Naturalism and Religion: Philosophical Essays*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
12. Baumgart-Ochse C., Wolf K. D. (2018) Religious NGOs at the United Nations: Polarizers or Mediators? 1st ed. London; New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351111232>.
13. Beaumont J. (2008). Faith-based Organisations and Urban Social Justice in the Netherlands. *Urban Studies*. Vol. 45. No. 10. P. 2011—2017 <https://doi.org/10.1177/0042098008094870>.
14. Beaumont J. (ed.) (2018) *The Routledge Handbook of Postsecularity*. 1st ed. London; New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315307831>.
15. Beaumont J., Eder K., Mendieta E. (2020) Reflexive secularization? Concepts, Processes and Antagonisms of Postsecularity. *European Journal of Social Theory*. Vol. 23. No. 3. P. 291—309. <https://doi.org/10.1177/1368431018813769>.
16. Berger J. (2018) *Divine Polity: The Bahá'í International Community and the United Nations*. PhD thesis. Canterbury: University of Kent.
17. Carrette J. R., Miall H. (eds.) (2017) *Religion, NGOs and the United Nations: Visible and Invisible Actors in Power*. 1st ed. London; New York, NY: Bloomsbury Academic.
18. Clark J., Jennings M. (eds.) (2008) *Development, Civil Society and Faith-Based Organizations: Bridging the Sacred and the Secular*. Basingstoke; New York, NY: Palgrave Macmillan.
19. Haynes J. (2009) Conflict, Conflict Resolution and Peace Building: The Role of Religion in Mozambique, Nigeria and Cambodia. *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 47. No. 1. P. 52—75. <https://doi.org/10.1080/14662040802659033>.
20. Petersen M. J. (2010) International Religious NGOs at the United Nations: A Study of a Group of Religious Organizations. *The Journal of Humanitarian Assistance*. Vol. 17. P. 1—18. URL: <http://sites.tufts.edu/jha/archives/847> (date of access: 06.05.2026).